

ДНК гения

Автор:

Татьяна Астахов

ДНК гения

Павел Алексеевич Астахов

Татьяна Витальевна Устинова

Дела судебные

Новый роман от прославленного литературного дуэта Татьяны Устиновой и Павла Астахова о гениях, их поклонниках и наследниках. После смерти знаменитого балетного танцора и гения хореографии Роберта Гуреева за его наследство началась битва не на жизнь, а на смерть. Три наследника претендуют на имя внебрачного ребенка Гуреева и на его миллионы. Судья Елена Кузнецова снова под прицелами телекамер, ведь этот процесс приобрел международное значение...

Татьяна Устинова, Павел Астахов

ДНК гения

© Астахов П., Устинова Т., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Тихо лежа на столике, сервированном для легкого романтического ужина, мобильник был похож на небольшую шоколадную плитку. Будь это мой телефон, я бы от греха подальше зарыла его в недра сумки, но аппарат принадлежал Никите, а у нас не те отношения, чтобы я диктовала ему, что делать.

Пока не те.

Вот сейчас мы романтически поужинаем тет-а-тет, и тогда, может быть...

Телефон на столе ожил и прерывисто загудел – не тревожно, скорее забавно: такие звуки мог бы издавать икающий шмель.

Вибрируя, аппарат пополз по стеклянной столешнице, уперся в бокал, и тот отозвался дребезжанием. Я подхватила бокал, а Никита свой телефон, и мы одновременно подняли руки – я поднесла бокал ко рту, он – мобильник к уху.

– Салют! – с улыбкой произнесла я, оценив безупречную синхронность движения.

– Привет, – сказал Никита – не мне, а собеседнику в трубке. – Что? Когда, как?

Он повернулся ко мне спиной и отошел к окну. Слушая пространный ответ, прошелся вдоль стены из угла в угол, потом отдернул занавеску, толкнул балконную дверь и вышел из комнаты. Теперь я не слышала даже обрывков телефонного разговора... Но уже по тому, как резко Никита обнажил окно, которое сам же старательно зашторил минуту назад, поняла, что наш романтический ужин закончился, едва начавшись.

Какая досада! Всего пара недель как наши отношения совершили очередной эволюционный скачок. Где-то с год назад прокурор Никита Говоров из коллеги по работе превратился в моего поклонника, поначалу не слишком активного, так что я даже думала, что мы останемся просто друзьями. Но потом Никита наконец перешел в решительное наступление и буквально взял штурмом мой дом, почти самостоятельно – наша с Сашкой бестолковая помощь не в счет – сделав в нем ремонт.

Это была серьезная заявка на совместное проживание, но пока не на брак. Однако я определенно чувствовала, что мне вот-вот предложат примерить

колечко, и даже ждала этого момента. Хотя и побаивалась его, потому что слишком хорошо знаю статистику разводов. Мне ли ее не знать, я же судья...

Что-то пластмассово хрустнуло, и Говоров громко выругался, пинком отбрасывая занавеску, на слишком длинный край которой сам же и наступил.

Я поставила бокал.

- Что-то случилось?

- Да. - Никита опять выругался, но уже совсем беззлобно и беспомощно посмотрел на меня. - Прости...

Та-а-ак... Похоже, с мечтами о колечке я поспешила...

- Работа? - старательно скрыв сожаление, понятливо предположила я.

Это у меня как у судьи все процессы по расписанию, другие люди, бывает, занимаются служебными делами и в неурочные часы.

Но это был не тот случай.

- Не работа. Личное. - Никита вздохнул и прежде, чем я нахмурилась, объяснил: - Умер мой дед в Туапсе.

- О... Соболезную...

- Спасибо, хотя я его почти не знал, мы и виделись-то последний раз лет тридцать назад, я еще пацаном был, потом родители развелись, я остался с мамой, а старики по папиной линии мою матушку сильно не любили и предпочли позабыть и ее, и меня. - Обычно невозмутимого Говорова как прорвало, и я поняла, что он на самом деле взволнован. - Так и жили они вдвоем, и вот теперь дед умер, бабка совсем плоха, а я их единственный близкий родственник, и, стало быть, мне старика и хоронить...

- А кто звонил-то?

– Соседка, мы с ней в контакте были, я ей деньги посылал, чтобы старикам помогала, дед сам не взял бы, он упертый был, старый хрыч, а бабка всегда за ним, как на веревочке...

– Сядь, – я притянула его на диван и сунула в руки полный бокал. – Выпей и успокойся. Там аэропорт-то есть, в этом Туапсе?

– Нет, ближайший в Сочи... Ну, в смысле в Адлере.

– Сочи так Сочи, Адлер – еще лучше, туда летом рейсов полно, сейчас мы быстро найдем тебе билет.

С перелетом действительно сложностей не возникло, билеты были, и Никита даже успевал на ближайший ночной рейс. Наш романтический ужин со всеми возможными приятными последствиями, конечно, накрылся медным тазом, но в сложившейся ситуации было не до светлой лирики.

– Оставайся, – уже стоя в прихожей с наскоро собранной сумкой в руках, сказал мне Говоров, вновь на неопределенный срок задержавшийся в статусе друга. – Куда ты среди ночи? Поспишь спокойно, утром уйдешь, захлопнешь дверь...

– Нет, я уже вызвала такси.

Мне не хотелось оставаться одной в его квартире. Как уже говорилось, не те у нас отношения.

Станут ли они вообще когда-нибудь «теми»?!

Мы вместе спустились во двор, под равнодушными взглядами двух ко всему привычных таксистов неловко распрощались, разошлись по машинам и разъехались. Никита отправился в аэропорт, а я домой.

По дороге я размышляла, что скажу своей пятнадцатилетней дочери, и это было отчасти смешно, потому что вчера я терзалась ровно теми же мыслями. Только тогда я не знала, как сказать Сашке, что не вернусь домой до утра, а теперь – как объяснить свое досрочное возвращение в глухой ночной час.

Пятнадцатилетние дочери, чтоб вы знали, это очень непростая аудитория. Мне вот бывает проще полдюжины приговоров вынести и озвучить их в переполненном зале суда, чем сделать какое-либо программное заявление Сашке. Особенно если речь идет о моей личной жизни.

В принципе дочь не возражает против того, чтобы ее старушка-мать с кем-то встречалась, что бы ни стояло за этим словом, а Никита Говоров ей даже нравится. Но я никогда никого не приводила к себе и сама не уходила из дома на всю ночь, так что сегодня, можно сказать, была премьера. И то, что она позорно провалилась, по-моему, компрометировало меня как женщину. А мне ведь хочется, чтобы подрастающая дочь ценила материнские советы! А с чего бы ей их ценить, если женский опыт матери вызывает сомнения? Советы Сашка и сама раздает целыми пачками – она у нас с недавних пор популярный блогер с сотней тысяч подписчиков...

Так ничего и не придумав, я высадилась из такси у подъезда и посмотрела на свои окна. Света в них не было, так что можно было надеяться, что Сашка спит, как и обещала.

В том, что после моего ухода дочь осталась дома, а не улизнула прочь в ночь с радостным криком «Свобода!» и с сердечным другом Фомой, я была почти уверена. Специально – для проверки – несколько раз звонила на домашний телефон и из театра, с похода в который начался наш с Говоровым романтический вечер, и из Никитиной квартиры, где он бесславно закончился. «Почти уверена» – потому что от прогрессивной девицы-блогера вполне можно было ожидать и хитрых ходов. К примеру, Сашка могла сейчас спать дома не одна, а с тем самым Фомой...

Сожалея, что эта мысль посетила меня слишком поздно, я подобрала подол парадного длинного платья и заторопилась вверх по лестнице.

Остановившись на придверном коврикe, я приложила ухо к двери и прислушалась.

В квартире было тихо.

Я осторожно, чтобы не звякнули, достала из сумки ключи, бесшумно открыла замки, толкнула дверь и... замерла на пороге.

В первый момент мне подумалось, что я не туда попала.

Прежде наш коридор никогда не походил на взлетно-посадочную полосу ночного аэродрома!

В следующую секунду порыв ветра из открытой двери задул огни свечей-таблеток, и из Сашкиной комнаты, расположенной прямо по курсу, донесся не то вздох, не то стон. Что примечательно, стонали-вздыхали на два голоса!

Вмиг уверившись, что мои самые худшие предположения оправдались, я вскинула руку, чтобы решительно хлопнуть ладонью по выключателю и... снова замерла. Материнский гнев во мне боролся с женской солидарностью. Самой-то мне каково было бы, если бы кто-то вломился к нам с Никитой в разгар интимных процессов? Да еще и запалил полную иллюминацию!

Еще через секунду этот вопрос потерял актуальность, потому что одновременно случились две вещи: в Сашкиной комнате все же вспыхнул свет, и в меня прилетела... большая пышная подушка. Я встретила ее грудью и, как заправский голкипер, приняла в свои объятия. Потом подняла глаза и увидела пару насмерть перепуганных девчонок. Одной из них была моя Сашка, второй – ее школьная подружка Настя.

– Здравьете, тетя Лена, – пробормотала она и испуганно моргнула, как сова.

– Здравьете, – сговорчиво согласилась я, подбирая подушку. – Что тут происходит?

– Всего лишь маленькая пижамная вечеринка, а чё такого? – отмирая и сразу же начиная наглеть, ответила моя Сашка.

Звонко шлепая голыми пятками, она подошла ко мне, вырвала из моих объятий перелетную подушку, вернулась в свою комнату и закрыла за собой дверь.

– А свечи зачем? – поинтересовалась я вдогонку.

Дверь приоткрылась, выглянувшая из нее Настя скороговоркой объяснила:

- А это мы женихов вызывали.

- В смысле? - снова заволновалась я. - Каких еще женихов? Мальчиков по вызову, что ли?!

Шокированная Настя из приоткрытой двери выпала, зато кукушечкой выглянула Сашка, высокомерно объявившая:

- Вот только не надо думать о других в меру собственной испорченности!

- Не хами, - сдержанно попросила я.

- Я не хамлю, я информирую: мы проверяли, работает ли заговор. - Сашка сделала постное лицо и без эмоций протарахтела: - «Суженый мой, ряженный, приходи ко мне наряженный!» Мы, конечно, во все такое не верим и ничего такого особенного не ждали...

- Ну да-а-а, - протянула я, начиная хихикать.

- А тут вдруг дверь сама собой открывается, - хмуро продолжила Сашка, явно чувствуя себя идиоткой. - И на пороге ты! А нам-то не видно, что это ты, - в коридоре темно, а у тебя за спиной на площадке лампочка светит! Стоит тут такое нечто! Все черное! Мы чуть не умерли с перепугу!

Я в голос захохотала, осознав, какой раздрай внесла своим появлением в девичьи души. Суженого, наряженного в вечернее платье в пол, они точно не ждали! В наших краях мужики одеваются более традиционно, чай, у нас тут не «Евровидение» какое-нибудь.

- А ты чего это так рано вернулась? Что, тоже с суженым не сложилось? - Ехидной репликой непочтительная дочь оборвала мое нервное веселье.

- А вот это тебя совершенно не касается, - сказала я строго. - Ложитесь спать уже, наивные селянки. Завтра рабочий день.

- Это у тебя он рабочий, у нас каникулы! - напомнила Сашка, но дверь в свою комнату закрыла и больше старушку-мать не тревожила.

В наступившей темноте я машинально направилась в ванную, наступила на свечку-таблетку, изгваздала горячим воском линолеум и чулок, тихо выругалась и подумала, что совсем не так мне хотелось бы использовать ароматические свечи...

Эх, где-то сейчас мой Говоров?

Никите повезло – ему досталось место у прохода. А сидел бы посередине – добрых два часа полета ощущал бы чувство локтя. Даже двух локтей – и в одном боку, и в другом.

Соседями Никиты оказались молодые столичные франты с ухоженными бородами и модными стрижками. Узкие штаны и рубашечки по фигуре не делали парней миниатюрными – оба были довольно рослыми и, уснув, раскинулись в креслах угловатыми растопырочками.

Говоров вообще-то любил летать ночными рейсами. Пассажиров на них обычно было меньше, и они не так активно себя проявляли, поскольку в большинстве своем мирно спали от взлета до посадки. Сочетание рокота двигателей за бортом и хорового храпа в салоне Никита находил гармоничным, однако на этот раз оно не действовало на него умиротворяюще. Он досадовал из-за вынужденной необходимости заниматься похоронами и мучился стыдом и виной из-за того, как нелепо и безрадостно закончился вечер, который мог стать очень важным для них с Леной.

Уснуть не получалось, а никаким развлечением в дорогу Никита в спешке, разумеется, не запасся. Пришлось взять у бортпроводницы вчерашнюю газету. Читать в ней было особо нечего – половина статей представляла собой более или менее развернутый пересказ новостей из Интернета, и зацепил Никиту только созвучный его настроению и ситуации заголовок «Объявились наследники великого Гуреева».

Про великого Гуреева Говоров, конечно, слышал, но подробностей его жизни не знал, а обстоятельств смерти и не хотел бы знать, но вот пришлось. Автор газетной статьи излагал пикантные факты весьма дотошно, смакуя и обсасывая детали, как мелкие куриные косточки. Читать это было немного противно, но все

же интересно. Статью отличал хороший слог, можно было только пожалеть о том, что автор не нашел себя в художественной литературе. У него хорошо получались бы душещипательные романы.

Роберт Гуреев родился на заснеженном полустанке в глухой степи, а умер в одной из богатейших стран Европы, будучи уже миллионером и любимцем публики, на симпатии которой, как и на мнения критиков, он по большому счету всегда плевал. Гуреев был гением, которого талант и судьба вознесли высоко над толпой, а потому жил, творил и даже умер без оглядки на то, кто что о нем скажет, напишет или подумает.

Смерть настигла его в роскошном отеле при дорогом казино, в беломраморной ванне на золоченых львиных лапах, в клубах ароматного дыма от курильниц с благовониями и в обществе молодого красавца-возлюбленного, который и не заметил, как остался один, потому что в этот момент был под кайфом.

Сам Гуреев ничего такого не употреблял, потому что высоко ценил свою фантастическую работоспособность и берег здоровье. Не уберег: внезапно сдало сердце. Впрочем, как внезапно? Когда тебе «далеко за», а ты еще профессионально танцуешь и в промежутках между выступлениями с размахом кутишь...

Рано или поздно даже в самой фантастической карьере и бурной жизни ставится точка.

Однако в случае с великими символические точки часто превращаются в многоточия. С Гуреевым так и вышло: сразу после его смерти история продолжилась – наследники вступили в схватку за немалое состояние артиста.

Наследники они на самом деле или не наследники, предстояло решать суду. Мировая общественность с большим интересом ждала начала процесса. Газетчики, как обычно, опережали события и высказывали свои версии их дальнейшего развития.

Но про борьбу за наследство Говорову не хотелось ни читать, ни думать.

В дедовом наследстве он не нуждался.

Ни в наследстве, ни в самом деде, да.

К тому же бабка была еще жива, и Никита от души желал ей оставаться на этом свете подольше. Семьдесят лет – это по нынешним временам не великий возраст, вон Гуреев еще романы крутил, да и простые иностранные бабульки в такие годы открывают третью молодость: шестьдесят пять – баба ягодка опять и снова.

Газета все-таки пригодилась: измотанный переживаниями Говоров накрыл ею лицо, как будто спрятался в домике, и наконец уснул.

Старой бабкой – вот кем я себя чувствовала утром.

Не бодрой евробабушкой, а нашей отечественной пенсионеркой со стажем, всю жизнь пахавшей в две смены и в борьбе за победу сначала социалистического, а потом и капиталистического труда напрочь угробившей здоровье.

Я не выспалась, у меня раскалывалась голова, болела спина и ныли все кости. За недосып надо было «благодарить» себя – отвык мой организм от режима «романтический вечер с переходом в бурную ночь», за головную боль – Говорова, поившего меня сначала кофе с коньяком, а потом шампанским, за прочее – небесную канцелярию, явно готовящую перемену погоды. Ну и отдельно – дочурку с подружкой за прицельное метание подушками в женихов.

Мучительно щурясь, я заглянула в мобильный – там не было ничего от Никиты, зато имелся свежий метеопрогноз. И точно, синоптики уверенно пророчили грозу и уже зафиксировали какие-то жутко вредные вспышки на Солнце. Значит, сегодня я буду вялой и непрезентабельной, как растоптанный валенок. Ну, это обычное состояние наших судей. Никто не заметит.

Вот ведь странное дело, по молодости лет никакой метеозависимости я у себя не замечала, на меня больше общественное мнение влияло, чем природные и погодные явления, а по прошествии лет все стало в точности наоборот...

– О, вижу, кто-то вчера хорошо погулял, – дерзко заметила Сашка, оценив гримасу, с которой я выпила свою первую утреннюю чашку кофе – против обыкновения, несладкого, крепкого и черного, как мазут.

Сама она энергично разрабатывала лучезапястный сустав, прокручивая туда-сюда на ребристом куполе ручной соковыжималки половинки апельсинов и лимонов, – готовила себе полезный сок.

Модные блогеры – они такие. Им палец в рот не клади. Им туда клади качественные натуральные фрукты...

– Наглеешь, дочь, – поморщившись, сказала я – не применительно к употреблению натуральных фруктов, конечно.

Фрукты – это похвально. Хамить родной матери – вот это предосудительно.

– То есть погуляли плохо, ночь не порадовала, – по-своему поняла сказанное Сашка.

– Поговорим лучше про день. – Я предпочла сменить тему. – Какие у тебя планы?

– Ничего особенного. Сейчас проснется Настя, мы выпьем сок – и на пробежку, потом завтрак, потом я встречусь с Машей...

– С твоей Машей или с моей? – перебила я, уточняя.

Наши с дочерью лучшие подруги носят одно и то же имя, и с тех пор, как Сашка решила, что она достаточно взрослая и продвинутая, чтобы обращаться к старшим на «ты», мы их путаем.

– Со своей ты сама встретишься на работе. Кстати, разве ты не спешишь? Тебе же к девяти?

Я, конечно, поняла, что меня бесцеремонно выпроваживают, но возразить было нечего. На работу мне действительно к девяти, и – да, чтобы успеть вовремя, следовало поспешить.

Я схематически, без детализации, нарисовала на том помятом бледном блинчике, которым выглядела сегодня моя физиономия, человеческое лицо. Поколебавшись, надела светло-сиреневую блузку с декольте – немного слишком для буднего дня, но «после вчерашнего» самое то: нежный шелк, цвет которого

моя блогерша называет лавандовым, освежит лицо, а вырез отвлечет от него внимание. Синяя юбка из серии «хоть в пир, хоть в мир», балетки в тон, сумка...

Вот сумка из ансамбля выбивалась.

Вообще-то она у меня вполне приличная, хотя и сшита на какой-то китайской фабрике, но производитель предназначал ее для транспортировки ноутбука, то есть стиль совсем не тот...

Ну и ладно, зато в нее прекрасно помещаются бумаги, которые я постоянно таскаю туда и обратно, потому что не все успеваю изучить в кабинете и вынуждена брать работу на дом.

И вообще, с каких пор меня так волнует, гармоничен ли мой так называемый модный лук?

Все-таки иметь в семье популярного блогера – это обязывает. Зная, что тебя в любой момент могут щелкнуть камерой мобильного и тут же запостить в Сеть с нелицеприятным комментарием, десять раз подумаешь, можно ли выходить на дистанцию «спальня – туалет» в любимой пижаме с линялыми котятками...

– Я ушла! – крикнула я, выходя из квартиры, и успела еще услышать ворчливое:

– И заодно Настю разбудила...

Ну и разбудила, ну и ничего страшного. Пора уже – девятый час утра... Ой, я же опаздываю!

Вообще-то утро складывалось не так уж плохо.

Гроза пока только грозилась, машина завелась сразу, без уговоров и заклинаний, дорожная обстановка была нормальная, и я даже успела заскочить в любимую кофейню за порцией правильного утреннего напитка – с узором из порошка корицы на пышной молочной пенке и миндальным сиропом.

Держа в одной руке пупырчатый картонный стакан с пластмассовой крышечкой, другой я потянула на себя массивную дверь – она у нас в здании тяжелая, не

каждый справится с ней натошак. Мельком взглянула на часы на стене в холле – успела! Утвердилась в мысли, что жизнь налаживается, направилась к своему кабинету и на подступах к нему услышала:

– Выше! Еще выше!

Голос был знакомый: повышения требовал наш председатель суда Анатолий Эммануилович Плевакин.

Я резко затормозила – потревоженный кофе в стакане протестующе булькнул.

Утро, которое начинается с неожиданной встречи с начальством, добрым не бывает, проверено!

Выглянув из-за угла, я получила возможность оценить крутой изгиб оттопыренных фалд начальственного пиджака. В последнее время Анатолий Эммануилович заметно поправился, а гардеробчик не сменил, и маловатый пиджак в крутом тылу шефа образует подобие ласточкиного хвоста.

Судя по тому, как этот хвост вертелся, Плевакин, стоя на пороге кабинета, активно жестикулировал.

– По-моему, нормально, выше уже не надо, – донесся до меня голос моего помощника Димы.

О чем они вообще разговаривают? О производственных показателях? Так я согласна с Димой – у нас с ним они вполне нормальные. Я иной раз за день полдюжины дел слушаю!

Мужчины в кабинете еще немного поспорили на тему выше-ниже, и наконец Анатолий Эммануилович довольным голосом произнес:

– Вот! Теперь хорошо.

– Значит, не о показателях, – пробормотала я и решила, что мне пора появиться на сцене.

– А вот и Елена наша Владимировна, звезда экрана, любимица прессы! – обрадовался Плевакин, обернувшись на мое вежливое «Всем условно доброе утро!»

Я вопросительно посмотрела на Диму. Он произвел классический выстрел глазами: в угол – на нос – на предмет. Предметом был кондиционер, продолговатое тело которого прямо сейчас закреплял на стене рабочий в комбинезоне.

– Это нам? – не поверила я.

Прошлым летом мы с помощником спасались от адовой жары холодным кофе гляссе и вентилятором. Причем вентилятор тот Дима купил на свои собственные деньги, потому что выбить финансирование на создание комфортного климата в кабинете у Плевакина было попросту нереально. Анатолий Эммануилович – очень, очень рачительный хозяин (говоря прямо – скупой). И тут вдруг целый кондюк...

– Тимео данатос? – тихонько спросила я у помощника.

– Эт доно ферентис, – подтвердил он.

Ага, значит, недобрые предчувствия меня не обманули, кондиционер – данайский дар, в комплекте с которым точно идет какая-нибудь редкая гадость.

– Готово. – Рабочий слез со стремянки.

Дима потискал пульт.

Кондюк вкрадчиво загудел и нежно дунул прохладой.

– Ну вот! – С видимым удовольствием подставляя сияющее улыбкой лицо под воздушную струю, Плевакин раскинул руки, как крылья, и сделался еще больше похож на планирующую ласточку – на редкость упитанную, надо заметить. – Теперь тебе, Елена Владимировна, не стыдно будет тут и саму королеву принять...

– А кто-то подал в суд на королеву? – заинтересовалась я, аккуратно обходя прохлаждающегося шефа. – Или это она?

– Про королеву ничего не знаю, а с делом короля балетной сцены тебе разбираться придется, это да, – ответил Плевакин, меняя расслабленный тон на деловой. – Роберт Гуреев, слышала о таком?

– И слышала, и как-то даже видела, – кивнула я, занимая свое рабочее место с видом «не мешайте мне трудиться, я очень-очень занята». – Но он же вроде умер?

– Вот то-то и оно! – Анатолий Эммануилович многозначительно воздел указательный палец. – Он умер, а наследники его живы и очень хотят получить свои деньги.

– Или не свои, – вставил Дима, очевидно, успевший ознакомиться с ситуацией.

– Или не свои, – легко согласился с ним Плевакин, разворачиваясь, чтобы выйти из кабинета. – Вот Елена наша Владимировна этот вопрос и решит...

– Что, у нас новое громкое дело? – Я с тоской посмотрела на помощника.

Он молча кивнул и развел руками – мол, а куда деваться?

Вот говорила мне мудрая бабушка – иди, Лена, в библиотекари, хорошая работа, спокойная, тихая... Читала бы я сейчас не дела, а романы... Эх!

«Герой не моего романа, – крутилось в голове у Натки. – Герой не моего романа...»

Кажется, это была цитата, но источника его Натка не помнила.

Или просто не знала...

Какая разница? Важно, что мысль была верной, и от понимания этого Натку корежило.

Лицо, к которому почти уже вернулась прежняя красота, само собой кривилось, как будто кто-то внутри Натки маленькими цепкими ручками растягивал вкось улыбку, превращая ее в оскал.

Натке хотелось зарычать. Или заплакать.

– Мам, ты чего? Лицо болит, да? Уйди в тень, тебе же вредно на солнце!

Набежавший Сенька ухватил Натку за руку, затащил под навес над поленницей и, пробормотав что-то укоризненно-снисходительное про глупых баб, опять умчался, оставив мать в компании бездушных осиновых чурок.

– Чурбан деревянный, вот ты кто, – сказала Натка, продолжая сверлить взглядом мужика на соседнем участке.

Сегодня к Сизовым приехали гости – то ли одна из бывших учениц, то ли просто добрая знакомая с семейством, включающим сына и мужа. На мужа-то этого Натка и тарасилась, не в силах задавить в себе обиду и ревность.

Чужой муж был такой хороший, каким нипочем не стал бы ни один из многочисленных Наткиных мужиков.

Она, может, потому и не вышла ни за кого из них! Заранее знала, что толку не будет.

Хотя, если честно, это она твердо знала про Ростовцева и Преодоляка, которые все-таки дозрели до того, чтобы позвать Натку замуж. Остальные не звали, ну и бог с ними, не больно-то и нужно было, своего идеального мужчину Натка еще не встретила.

А вот чужого идеального наблюдала прямо сейчас.

С соседями – Татьяной Ивановной и Василием Петровичем – Натка была в прекрасных отношениях, и к ее сыну бездетные Сизовы относились как к

родному внуку... А, так вот откуда у Сеньки это добродушно-ворчливое «глупые бабы», он повторяет за дедом Васей! Усваивает его покровительственную манеру общаться со слабым полом... Ну и пусть, в отсутствие родного отца дед Вася для Сеньки – превосходный образец правильного мужика. Он добрый, заботливый, хозяйственный, не жадный, детей любит...

Совсем как этот вот, огорчительно чужой муж.

Натка вздохнула, шагнула глубже в тень – лицо после повторной пластики нужно было прятать от злого солнца, – стрельнула неприязненным взглядом в гостью Сизовых (не красавица, вообще ничего особенного!) и снова уставилась на ее супруга.

Тот был фактурный – похожий на викинга: высокий, плечистый, с открытым лицом и твердым ясным взглядом, который почему-то совершенно не смущался, наталкиваясь на Натку, всю такую соблазнительную в просвечивающем на солнце светлом льняном сарафане и легких сандаликах с трогательными перепоночками. Лицо, которое еще не стало идеальным, Натка прятала в тени полей прелестной шляпки, и в целом выглядела обворожительно и стильно. Но на чужого мужа это не действовало. Он как будто вообще никого не замечал, кроме своего собеседника по имени Тимофей Андреевич.

– Тимофей Андреевич, хочешь грушу? Смотри, какая прекрасная груша – сочная, спелая, наверняка очень сладкая! – нараспев приговаривал чужой муж, нахваливая эту самую грушу так, что на рынке к нему уже выстроилась бы целая очередь из загипнотизированных домохозяек.

Тимофей Андреевич проявлял характер и гипнозу решительно не поддавался.

– А вот мы сейчас эту славную грушу сорвем, помоем, почистим, на маленькие кусочки порежем, – распевался чужой муж.

– Висит груша, нельзя скушать, – досадливо пробормотала Натка, имея в виду вовсе не фрукт.

Чужому мужу было лет сорок, а Тимофею Андреевичу месяцев девять-десять, и собеседник из него получался очень так себе. Похоже, он знал всего три слова: «ддя», «ннё» и еще что-то вроде «фрррр», – это последнее произносилось сквозь

надутые мокрые губы, с одновременным разбрызгиванием слюней и сердитым нахмуриванием почти невидимых белесых бровок.

Крайне скудный словарный запас нисколько не мешал Тимофею Андреевичу успешно коммуницировать – любящий родитель понимал его с полуслова. Тимофей Андреевич важно дакал, нокал, фыркал, а его папенька шумно радовался плодотворному общению и внимал карапузу так почтительно, словно беседовал с нобелевским лауреатом или далай-ламой. И называл потомка исключительно по имени-отчеству или Наследником.

А маменька Тимофея Андреевича (вот честно, ни кожи, ни рожи, ни большого ума!) расслабленно попивала на веранде холодный компот с горячими пирожками. И все трещала о том, как прекрасна ее сладкая жизнь, радуя этим добросердечную Татьяну Андреевну и огорчая завистливую Натку, до которой долетали интригующие обрывки сказанного: «дом в Мюнхене», «дача в Ницце», «еще одна машина», «ищем няню»...

Мысль о том, что вот этот толстый карапуз – не просто мелочь пузатая, а целый наследник неплохого такого состояния, вызывала у Натки злую зависть и мучительное чувство вины.

Почему, почему она не озаботилась тем, чтобы у Сеньки был отец, от которого ее мальчик мог бы унаследовать не только ум и приятную внешность?

Ненаследный принц Сенька тем временем носился по дворам – своему и соседскому, который тоже привык считать родным, таскал со стола пирожки и делил их с собакой, расстреливал из водяного ружья кротовьи норы и лежал на горизонтальной ветке старой яблони, свесив вниз одну босую ногу, как ленивый кот – лапу. И эта его загорелая поцарапанная конечность с грязной шершавой пяткой была для Натки мощным раздражителем, потому что чрезвычайно наглядно контрастировала с нежно-розовыми складчатыми ножками Тимофея Андреевича.

Переводя взгляд с одной пары детских ног на другую, Натка понимала, что это очень символично: можно было не сомневаться, что жизненный путь Тимофея Андреевича будет совсем не таким, как у Сеньки. Не кривым и ухабистым, без грязных луж и колючек... Он, этот Тимофей Андреевич, еще и на ноги толком не встал, а любящие родители уже позаботились о том, чтобы вымостить ему

дорожку пружинящими пачками бумажек с водяными знаками...

А она, Натка, до сих пор думала только о своих удовольствиях.

Но, может, еще не поздно?

Чтобы не отвлекаться на сюсюканье и воркование чужого мужа и не раздражаться пуще прежнего, Натка отвернулась от соседей с их гостями, уперлась напряженным взглядом в суковатое полено и позвонила сестре – нужно было посоветоваться.

– Слушай, полено... тьфу, послушай, Лена! – произнесла она, с трудом дождавшись вопросительного и усталого «Алло?». – Ты у нас юрист, должна знать, что нужно, чтобы получить наследство?

– Насколько я знаю, необходимо в шестимесячный срок с момента смерти родственника подать нотариусу заявление о вступлении в наследство и предоставить необходимые документы...

– То есть надо ждать смерти?

– Чьей? – Сестра заволновалась. – Натка, ты в порядке? Что с тобой, ты вообще как себя чувствуешь?

– Паршиво, – честно призналась Натка. – Но жить буду, если ты об этом. Речь не о моей смерти.

– А о чьей же?

– О смерти Сенькиного отца.

– А он умер?!

– Нет! Не знаю. Ты чем слушаешь? Я же говорю – надо ждать.

Сестра в трубке немного помолчала. Потом побулькала – видно, запила услышанное чем-то для лучшей усвояемости. Снова спросила, теперь уже осторожно:

– А ты разве знаешь, где он?

Вообще-то это был больной вопрос, который давно уже не поднимался.

Сенькиного бестолкового отца и своего непутевого мужа Натка сама давным-давно выгнала, а он и не попытался вернуться в семью, куда-то сгинул, так что у Сеньки, когда он подрос и заинтересовался этим вопросом, даже не было возможности познакомиться с родителем.

Натка придумала пропавшему папе-мужу романтическую профессию и героическую кончину – мол, был он метеорологом на полярной станции и до смерти замерз в страшный буран, до последнего снимая показания приборов, без которых разбились бы самолеты и утонули бы корабли. Мелкий доверчивый Сенька эту версию принял, а Лена поморщилась, но разоблачать вдохновенное вранье сестрицы не стала, сказав Сеньке, что это очень, очень печальная тема и лишний раз поднимать ее не стоит, чтобы не причинять душевную боль Натке. Типа, она у них такая чувствительная, что ее все это страшно мучает. И тему отсутствующего мужа-папы деликатно замяли.

Меж тем «чувствительная» Натка, по правде говоря, если от чего и страдала, так разве что от переизбытка мужского внимания. И уверенности в том, что сына она родила от того «героического метеоролога», у нее не было.

Зачатие, в результате которого на свет появился Сенька, вовсе не было непорочным, в то судьбоносное время легкомысленная Натка крутила сразу с несколькими кавалерами, и кто из них в итоге стал отцом, знать не знала. Вопрос отцовства представлялся ей непринципиальным. Кто по паспорту муж – тот и законный отец, почему нет? Все ее мужики были красивыми, здоровыми, неглупыми, то есть с наследственностью у ребенка в любом случае проблем не ожидалось. А о наследстве Натка тогда не думала.

– Еще не знаю, но это точно не Преодоляк, – подумав теперь, решила она. – Он до сих пор работает простым менеджером и зарабатывает копейки, я недавно видела его в метро.

- При чем тут метро? - озадачилась сестра.

Вроде умная, а каких-то очевидных вещей не понимает.

- Потому что для того, чтобы стать наследником, в первую очередь нужно наследство, - ответила Натка, мысленно фильтруя свои старые контакты.

Решено, она позаботится о финансовом благополучии сына.

Еще не поздно.

Еще ведь никто не умер...

«Да умер он, умер! - билось в голове и рвалось с языка у Говорова. - Все, никогда уже не придет!»

Слова были горькие, их хотелось выплюнуть и тут же прополоскать рот водой, но в рюмке была водка, а от нее противный вкус произнесенных слов становился еще резче и гаже. Поэтому Никита стискивал зубы и ничего не говорил, только гладил бабуку по морщинистой сухой руке, до слез похожей на желтую куриную лапку.

Бабуку он не узнал.

Он помнил ее одышливой, толстой, в пестром ситцевом халате, яркие пластмассовые пуговицы которого не выдерживали напора пышной плоти и то и дело с треском отстреливались. Тогда бабушка смешно ахала и беззвучно хохотала, тряся подбородками и боками - рискуя лишиться еще пуговицы-другой и веселя маленького Никиту, который со смехом бежал за дезертировавшей пуговицей и догонял ее где-нибудь в углу или нашаривал в траве...

У той бабушки были толстые белые руки в младенческих перетяжках и бесчисленных веснушках, красивые красные щеки и веселые ярко-голубые глаза. Та бабушка казалась Никите огромной и была неповоротливой и надежной, как речная баржа. И от нее всегда вкусно пахло - клубничным вареньем, спелыми

абрикосами, пирогами и борщом...

Эта бабка была маленькой, худой, сутулой, и от нее ощутимо тянуло валерьянкой, дегтярной мазью и нафталином. Ее черная сатиновая блузка явно не один год пролежала в шкафу и теперь была бабке до смешного велика.

На голове у этой бабки не было блестящей башни из крепко залакированных кудрей, а с гладко прилизанными волосиками и тощей морщинистой шеей она выглядела в своей черной блузке-палатке как старый гриф – сходство увеличивали светлые нитки, там и сям топорщащиеся на горловине, откуда торопливо и небрежно спорили белый кружевной воротничок.

Даже голос у этой бабки был, как у древней птицы – скрипучий, надтреснутый, и говорила она отрывисто, точно каркала:

– Гарик? Где Гарик? Когда он придет?

Сидя за поминальным столом, бабка беспокойно вертела головой, выискивая этого самого Гарика, и почему-то никто ей не отвечал. Немногочисленные присутствующие отводили глаза и притворялись, будто очень заняты борщом, а сам Никита не сразу понял, что Гариком старуха называет покойного мужа. Деда звали Игорем, поминали его как Игоря Евгеньевича, а для бабки он, значит, был Гариком, вот ведь беда, она даже не поняла, что он умер...

Говоров морщился, сознавая, что не может сказать полоумной старухе – мол, нет больше твоего Гарика, умер, никогда он не придет, это мы к нему теперь ходить будем, на кладбище.

К тому же он точно знал, что это «мы» будет не про него.

Не станет он навещать могилу старого упрямого дурня, который бросил маленького Никиту, оставил его без толстой смешливой бабки с ее пуговками и пирогами, без своих занудных нравоучений, без старомодных бумажных писем «с родины», без возможности нагреться из шумной душной столицы в эту приморскую пастораль, где в окна стучатся ветки персиковых деревьев и запросто можно ходить по двору в одних сатиновых трусах... У него даже не было этих самых сатиновых трусов!

Никита приехал в джинсах, которые промокли от пота, отяжелели и превратились в пыточный инструмент через полчаса после выхода из кондиционированного зала аэропорта, и в белой льняной рубашке, на которую по дороге к дому стариков злокозненно ляпнулась перезрелая слива.

Черную рубашку он захватить не догадался и вынужден был перед самыми похоронами бежать в торговые ряды у моря за чем-нибудь подходящим. А пляжная торговля на скорбящих вовсе не ориентировалась, из черного в рядах были только рокерские майки, и теперь Говоров чувствовал себя дурак дураком в новенькой футболке с глумливо кривящимся Мэрилином Мэнсоном.

У рок-звезды на животе Говорова были густо покрашенные глаза, намаженный рот, невымытый хайер, цветом и блеском гармонирующий с зализанными черными волосиками неправильной бабки, и страдальческий оскал. То и дело утыкаясь в изображение Мэнсона потерянными взглядом, бабка как будто именно у него искала сочувствия и понимания.

Это был полный сюр, и Никита не мог дождаться, когда окажется отсюда как можно дальше.

В душной жаркой Москве было бы просто идеально...

– Гхе, гхе! – настойчиво покашлял, привлекая внимание Говорова, мужичок, усевшийся слева от него.

Справа вертелась бабка, с другой стороны от нее устойчивой пирамидой высилась соседка Вера – та самая, которая приглядывала за стариками и помогала им не столько по доброте души, сколько за Никитины деньги. Но это не важно, приглядывала – и молодец, она и сейчас заботилась о бабке, делая это чуточку слишком демонстративно, но зато без подсказки.

– А вот мы сейчас салфеточку! – бодро комментировала она свои действия, застилая острые бабкины коленки рельефным бумажным полотенцем.

– А вот мы сейчас котлеточку! – звонко рублила ложкой серо-бурый общепитовский шницель, зачерпывала остывающее пюре, ловко пичкала бабку.

– А вот мы сейчас компотику!

Бабка без аппетита, но послушно ела и продолжала шуршащим шепотом выкликать своего Гарика. Никита морщился.

– А вот мы сейчас поговорим! – утратив надежду привлечь его внимание сигнальным кашлем, бодро возвестил мужичок, и таки своего добился – раздерганный Говоров пригвоздил его к стулу «фирменным» прокурорским взглядом.

– Ох ты ж, боже ж, – мужичок было сдулся, но тут же накатил – рюмки на столе не пустели, подавальщица за этим приглядывала, – и вновь осмелел. – А вот скажи мне, Никитос, чё ты с хатой делать думаешь?

– Не понял, – буркнул Говоров.

Не понял он, почему это какой-то незнакомый провинциальный ханурик по-своему называет его, Говорова, Никитосом. Его так только в раннем детстве звали, кстати, именно тут, у деда с бабкой, хотя и тогда он предпочитал мамино ласковое «Никитушка», но местные пацаны с городским не миндальничали и... А, должно быть, это как раз бывший местный пацан!

– Так я ж Васёк, – уловив тень сомнения в говоровских глазах, сказал экс-пацан и зачем-то ему подмигнул. – Помнишь, как мы вместе в лесополке кастрик палили? Ты, я, Лешка-Козява и рыжий Димон, он еще пистонов целую ленту притащил и батины патроны, а мы их в огонь закинули?

– Пистоны помню, – признался Говоров, не уточнив, что воспоминания это неприятные, преимущественно тактильные и сосредоточенные пониже спины.

Дед за ту выходку с пистонами и патронами вдумчиво и с чувством отходил Никиту ремнем.

– Эх, было время золотое! – мечтательно жмурясь, засмеялся Васёк, у которого пресловутые пистоны отпечатались в памяти не так болезненно. – А помнишь, как мы наелись незрелой алычи, а потом решили проверить, все ли газы горят? А козу соседскую безрогую помнишь?

– Честно? – Никита пожал плечами. – Нет.

– Э, э, ты чё? Как это не помнишь? Мы ж кореша с тобой были, такие бравые шкеты и друзья – не разлей вода! – заволновался Васёк. – Я ж тебя, знаешь, как ждал? Вот, думал, приедет Никитос, и мы с ним все порешаем по-братски!

– Слушай, давай не сейчас, а? – тоскливо-досадливо попросил Говоров.

Ему уже было все ясно: наверняка соседка Вера всем растрепала, что бывший шкет Никитос теперь столичный прокурор, и сейчас к нему потянутся со своими просьбами и проблемами все «старые знакомые», какие понаглей...

– Э, ты чё, а когда же? – не отстал прилипчивый Васёк.

Вот теперь Никита вспомнил: он и тогда, в лесополосу, с ними незванным увязался. Рыжий Димон даже хотел ему в ухо дать, чтобы отклеился и не вязался к большим пацанам, да Лешка-Козява заступился за мелкого. Козява – он у них самый старший был, лет десяти, наверное, Никитосу и Димону было по восемь, а Васёк этот еще в школу не пошел... Госсподи, зачем он все это вспоминает?!

– Ты ж сейчас снова свинтишь в свою Москву, ищи тебя потом, свищи, а с агентствами договариваться дураков нет, это себе дороже будет, – Васёк упорно гнул свою линию и теребил Говорова за майку, словно трепал за ухо шкодливого рокера Мэнсона. Мэнсон глумливо гримасничал. – Выйдем, ага? Поговорим, ага?

«Не отвяжется», – обреченно понял Говоров и встал из-за стола:

– Ага.

Вообще-то выбраться из сумрачного обеденного зала, где в нарочито печальной тишине и духоте за плотно зашторенными окнами поминали деда Игоря, он же Гарик, он же старый упрямый дурень, Никите хотелось уже давно.

За стенами кафе царило оглушительно жаркое курортное лето, пахнущее арбузами, шашлыком, вялящейся в пыли алычой и морем, до которого было рукой подать. Два квартала по прямой, перейти через зеленую речку по

подвесному мосту, миновать палатки торгашей и ряды забегаловок с популярной снедью, обогнуть гордо высящееся здание гостиницы – и вот он, пляж.

Скинуть бы жаркие черные туфли, стянуть с себя джинсы и мокрые от пота носки, как попало уронить душную рокерскую майку – и бегом к шипучей ласковой воде... Ну, как бегом? Вперевалку, с болезненным шипением и веселыми ругательствами ковыляя по раскаленным неуютным кругляшам – пляж тут крупногалечный, для босоногих танцев решительно не приспособленный...

– Может, по пивку холодненькому? – перехватив устремленный в голубую даль тоскливый взгляд Говорова, предложил Васёк.

– После водки? Не стоит. – Никита взял себя в руки. – Ну? Так что за разговор?

– Так про хату же, ага. – Васёк засуетился, переминаясь с ноги на ногу, как качающаяся на хвосте кобра. – Ты же дедово домовладение продавать будешь, ага?

– Я об этом не думал даже. – Никита проводил взглядом маленькое стадо из шести голов отдыхающих – те шествовали с пляжа важно, в спокойствии чинном, все горделивые и красные, как принимающий водные процедуры конь на знаменитой картине Петрова-Водкина.

– Ну ты даешь! Не думал! – Васёк хлопнул себя по коленкам. Звук получился глухой и унылый, как от встретившейся с пыльным ковром пластмассовой выбивалки. – А когда будешь думать? Когда эта халабуда развалится на хрен?!

– Во-первых, не халабуда, а неплохой еще домик, – исключительно из чувства протеста не согласился Говоров. – А во-вторых, чего ты ко мне-то с этим вопросом пристал? Еще бабка жива, домовладение их с дедом общее...

– Ну, Никитос, ты ж нормальный мужик, о чем речь вообще, какая бабка? – Васёк покрутил пальцем у виска – то ли давая понять, какая именно бабка, то ли самому себе противореча в оценке нормальности Говорова. – Давай прям сейчас, на берегу, с тобой договоримся: как надумаешь хату продавать – первым мне маякнешь, ага?

– А тебе зачем? – не удержался от вопроса Никита.

Васёк не производил впечатление человека, способного купить земельный участок в курортном поселке.

– Так мы ж соседи, ты забыл, что ли?! – Васёк покрутил головой, словно высматривая публику, которая так же, как он сам, была бы ошарашена возмутительной беспамятностью Никитоса. – Между нашими участками один штакетник и два ряда малины, а у меня брательник в Тагиле! Он вашу хату купит, и будем мы с ним бок о бок жить, как одна большая дружная семья, а то наезжает, блин, каждый год со всей своей оравой ко мне, натуральное монголо-татарское иго, надоело уже, сколько можно! А я у него на участке парники поставлю под помидоры, ему-то земля не нужна...

– Всё, я тебя понял, – Говоров отмахнулся от приставучего мужика и вернулся в полутемный обеденный зал.

– Гарик? Это ты? – близоруко заморгала бабка, приподнимаясь над стулом, в точности как гриф над гнездом.

– Я не Гарик, – устало ответил ей Говоров.

– А похож на деда, даже очень похож, только моложе, – жалостливо сказала соседка Вера.

– Тоже упрямый дурень, – досадливо согласился Никита и хлопнул рюмку водки, не дождавшись окончания очередной печальной речи.

Больше всего ему хотелось сбежать на пляж, а оттуда напрямик в аэропорт и вернуться в Москву. Но в его жизни снова появилась бабка – уже не та, веселая и толстая, а совсем неправильная, никчемная и раздражающая, как фамильное привидение...

Говоров понимал, что никуда сейчас не уедет, и очень этим неуютным пониманием томился.

– Едешь тут, как барин! – Старший лейтенант Таганцев не то упрекнул, не то похвалил арбуз на соседнем сиденье.

Вообще-то у него не было привычки разговаривать с неодушевленными предметами, но этот арбуз определенно требовал к себе особого отношения.

Будь он поменьше, Таганцев без церемоний запихнул бы его в багажник, но там уже сто лет лежали запаска, домкрат, пластиковая канистра с маслом, наполовину полная прозрачная баклага с синим, как южное море, стеклоомывателем, и для большого арбуза места не было. Поэтому Таганцев торжественно водрузил его – здоровенный, продолговатый, с витым казачьим чубом сухого стебля и желтым потрескавшимся пятном – на пассажирское сиденье. Повертел, ориентируя к лобовому стеклу желтым кругом, отдаленно напоминающим морщинистое лицо, заботливо пристегнул ремнем. И теперь вез, разглагольствуя и подхихикивая при мысли о том, какое выражение лица будет у дорожного инспектора, если тому вдруг приспичит остановить Костину «ласточку». Не то чтобы водитель Таганцев давал повод, но старый «жигуль», топорными очертаниями схожий с деталькой из «Тетриса», в потоке округлых и блестящих, как стеклянные бусины, разноцветных иномарок заметно выделялся, а контрасты – они же всегда привлекают внимание...

Гигантский арбуз Костя выбрал совершенно сознательно.

Ему нужен был веский повод, чтобы нагрянуть к прекрасной даме, которая Таганцеву очень нравилась, но на сближение почему-то не шла, ограничивая отношения дружескими.

То есть, когда ей было очень нужно, прекрасная дама взывала к старшему лейтенанту как к верному рыцарю, и он охотно убивал очередного дракона. А потом спасенная принцесса как бы запиралась в башне, оставляя победоносного рыцаря за крепостными стенами... Штурмовать этот замок Таганцев робел, поэтому присматривал лазейку, подбирал отмычки... Незаурядный арбуз вполне мог стать золотым ключиком.

Предупреждать принцессу о своем визите заранее коварный Таганцев не стал.

Он почему-то был уверен, что душным вечером в будний день прекрасная дама будет прохлаждаться в затемненных комнатах под кондиционером. В своих

мечтах он ясно видел простоволосую босоногую красавицу в невесомых одеждах и так проникся этим дивным зрелищем, что очень удивился, когда его звонок в домофон у подъезда не возымел никакого результата. Похоже, дома никого не было. Подниматься и проверять, топя вверх по лестнице с арбузом в обнимку, не хотелось...

Костя замялся.

– Продаешь? – минуя его, установившегося на крыльце в компании большого полосатого друга, поинтересовался бодрый дедок с одышливой собакой на поводке.

Упитанный пес жался к ногам своего хозяина точно так же, как круглый арбуз к голеностопу Таганцева, и это комическое сходство окончательно выбило Костю из героической роли благородного рыцаря.

– Да нет, себе купил, – отговорился он от деда и вместе с арбузом вернулся в машину, чтобы не выступать в роли клоуна, веселящего весь двор.

Жара была тяжелая, пыльная, душная, как старая меховая шкура. Она лежала неподвижно, придавив задыхающийся город медленно остывающим сизым брюхом, как мертвый зверь на завалившем его охотнике. Лично Таганцев легко отказался бы от такой сомнительной добычи, но кто же его спрашивал?

Костя максимально откинул водительское сиденье и распахнул все двери своего авто, всерьез подумывая о том, чтобы сменить уже винтажную «ласточку» на что-то посовременнее – с кондиционером. Если, скажем, взять кредит...

Кредит брать не хотелось.

Здоровой крестьянской натуре Таганцева откровенно претило влезать в долги. Вот если бы как-то разом заработать денег... Или наследство получить...

– Или полцарства в приданое за принцессой, – сам себя высмеял трезвомыслящий Костя и принялся обмахиваться рекламной газеткой с объявлениями о продаже вентиляторов и установке кондиционеров. Ее рано утром подсунули под дворники Костиной «ласточки» – очень кстати получилось.

Ожидаемая принцесса появилась примерно через полчаса и имела вид на редкость деловитый и сосредоточенный.

Ее твердая целеустремленная поступь, четкая отмашка руками, затвердевшие скулы, строгий взор и брови сплошным шнурком больше подошли бы воинственному рыцарю, решительно идущему на сближение с драконом.

Таганцев даже подумал, что не завидует сказочной рептилии, ее печальная судьба уже предрешена, и сам тоже малость оробел, но быстро взял в руки сначала себя, а потом еще арбуз и окликнул боевитую принцессу:

– Наталья Владимировна, добрый вечер!

– Разве?

Натка обернулась, прострочив тылы строгим взглядом, как пулеметной очередью.

Если бы руки Таганцева не были заняты арбузом, он сделал бы «хэнде хох», а так пришлось ограничиться подкупающей улыбкой.

– А, это вы, Костя! – Узнав своего верного рыцаря, Натка сменила гнев на милость.

Наблюдать за этим было необыкновенно увлекательно.

В считанные секунды сурово сведенные брови красавицы поднялись аккуратными дугами, глаза засияли, ресницы затрепетали, губы изогнулись в улыбке, а на щеках образовались прелестные ямочки.

В этой удивительной трансформации было что-то от завораживающего явления природы, во всяком случае, на Таганцева подобное впечатление производил разве что летний рассвет на реке, ради созерцания которого он и ездил на рыбалку.

– Ох, красота-то какая! – восторженно выдохнул Костя, от полноты чувств страстно стискивая арбуз.

Тот затрепал, Натка разулыбалась, кокетливо поправила локон, спросила:

– Вы каким ветром, Костя?

– Попутным, – соврал Таганцев, ногой отодвигая упавшую рекламную газету – свой единственный источник какого-никого ветра. – Ехал мимо, дай, думаю, проведу Наталью Владимировну, заброшу ей с пацаном витаминчиков...

– Ой, а Сенька в деревне остался! – Натка всплеснула руками и снова задумчиво свела брови галочкой.

Таганцев легко угадал, о чем она сейчас думает: как-то некстати принесла нелегкая галантного кавалера... Жара, духота, сейчас бы в душ и завалиться на прохладные простыни нагишом – в одиночку, разумеется. А тут Константин Сергеевич со своим арбузом! Арбуз-то по такой погоде – очень неплохо, но Сеньки дома нет, вдруг Таганцев приставать начнет, придется что-то решать, а не хочется, очень удобно держать верного рыцаря на некоторой дистанции...

– Вы арбузик возьмите, а я дальше поехал, у меня еще дела, – нарочито простодушно сказал хитроумный Таганцев, превосходно понимая, что пятнадцатикилограммовый «арбузик» сам, без его помощи, в принцессину башню не попадет.

– Нет уж, с этим полосатым кабанчиком я одна не справлюсь, придется вам ко мне подняться, – предсказуемо ответила Натка и зацокала каблучками к крыльцу, кокетливо покачивая бедрами.

– Спасибо, дружище, – шепнул Таганцев «кабанчику», устремляясь вслед за принцессой.

– Вы же сможете его разрезать, да? На половинки, – на ходу оборачиваясь, весело спрашивала Натка.

– Легко! – отвечал воодушевленный Таганцев, который сейчас запросто разрезал бы на идеальные половинки хоть целого злого дракона. – У вас же найдется большой острый нож?

– Ой, я даже не знаю, – сокрушалась Натка, склоняясь через перила, чтобы продемонстрировать следующему за ней маршем ниже Таганцеву свои красивые изгибы. – Хозяйство без мужчины, сами знаете... – И тут же спохватывалась: – Хотя вам-то откуда такое знать, вы ж со своим хозяйством все сам да сам...

– Ну, не все сам, – краснел и кряхтел отягощенный арбузом хозяйственный Таганцев. – Но ножи я вам непременно наточу, у вас же брусочек имеется?

– Ой, даже не знаю, – трясла распущенными волосами Натка.

За светской беседой с хозяйственным уклоном они поднялись на нужный этаж и вошли в квартиру.

– Ого! – не удержался от возгласа впечатленный Таганцев, оказавшись в прихожей.

На жилище принцессы помещение походило гораздо меньше, чем на логово дракона.

– У нас тут легкий беспорядок, не обращайте внимания, это мы с Сенькой на дачу собирались, – мило краснея, объяснила Натка. – Спешили очень, Сенька свое водяное ружье найти не мог...

– Ружье искать – это да, – великодушно согласился Таганцев, хотя по всему было видно, что тут не ружье – тут атомную бомбу успешно нашли и сразу же на месте испытали. – Куда арбузик нести?

– На кухню, – Натка посторонилась, пропуская Костю с его ношей в небольшой пищеблок, где явно тоже велись поиски чего-то взрывоопасного – на бортиках диванчика, на спинках стульев, даже на подоконниках лежали какие-то разноцветные тряпочки.

– Ой, я тут белье досушивала! – Хозяйка вихрем пронеслась по помещению, сгребая в охапку кружевные вещицы.

Таганцев проводил ее умиленным взором, высмотрел мойку и бережно положил в нее «кабанчика».

– Костя, а вы борщ любите? – с веселой строгостью прокричала Натка из глубины квартиры.

– Нежно и страстно! – признался Таганцев.

– И это прекрасно, потому что у меня в холодильнике полкастрюли борща, который срочно нужно съесть! – заявила Натка, вновь возникая на пороге кухни.

– Я всегда! – сказал Таганцев.

«Готов», – самодовольно додумала Натка вне связи с борщом.

– Накрыть крышкой и довести до готовности на ме-е-едленном огне, – посоветовал бархатистый мужской голос, сладострастно растягивая гласные.

Чувствуя, что сама уже закипаю, я протянула руку и выключила радио. Кулинарная программа в час пик – это изощренный садизм!

В наступившей относительной тишине – машины в плотном потоке влеклись с озлобленным рычанием и нервными вскриками – оглушительно запел телефон.

Я прилепила трубку к уху и рявкнула:

– Да!

В полной версии это прозвучало бы как «Да пребудет с нами сила!» Или нет, лучше «Да прибудет к нам Годзилла!». Очень хотелось, чтобы он таки прибыл к нам сюда и расшвырял автомобили, сгрудившиеся перед моим.

– Ты где? – требовательно спросила сестрица, забыв со мной поздороваться.

Впрочем, мы ведь с ней сегодня уже разговаривали по телефону...

О чем-то странном и тревожащем разговаривали...

Ах да, о получении наследства! Интересно, к чему бы это? Кроме меня, никаких взрослых родственников у Натки не имеется, не за мной же она собралась что-то наследовать? У меня есть наследница первой очереди – прямой потомок, родная дочь Александра. Хотя и ей за мной наследовать особо нечего...

– Ну? Где ты? – не получив ответа, снова нетерпеливо спросила сестрица.

– В машине, – ответила я коротко, экономя силы.

Могла еще добавить: в пробке, в поту и практически в бешенстве, но удержалась, чтобы не разорваться. Натка не виновата, что лето жаркое, а улицы перегруженные.

– Если ты едешь домой, то меняй курс и живо дуй ко мне, – велела сестрица.

На слово «дуй» я отреагировала тяжким вздохом. Надо мне хотя бы автомобильный вентилятор купить, раз на машину с кондиционером не хватает...

– А что у тебя на этот раз? – Зная Натку, я не усомнилась, что она зовет меня для того, чтобы привлечь к решению очередной своей проблемы.

– На этот раз у меня Таганцев, – сказала сестрица и хихикнула. – И арбуз. Знаешь, он просто огромный!

– Таганцев-то? Ну да, он у нас настоящий богатырь, – несколько кисло пошутила я.

Это «у нас» вырвалось у меня против воли. Я уже смирилась с тем, что милейший Константин Сергеевич, поначалу робко влюбленный в меня, моментально переметнулся к Натке, стоило той один лишь раз состроить ему глазки. Красивых женщин мужчины любят больше, чем умных, это аксиома.

– Огромный! – с удовольствием повторила Натка. – Полосатый! И с хвостиком!

Мое воображение по инерции обрядило огромного Таганцева в тельняшку морпеха, но не нашло, куда там пристроить хвостик, и спасовало.

– И у Кости не получилось его ровно разрезать, потому что он трещит и ломается, так что тебе придется забрать себе бо?льшую половину, – закончила Натка, и я поняла, что она говорит об арбузе.

В воображении тут же нарисовался этот самый неровно разрезанный арбуз. С красной хрусткой мякотью и лаковыми черными косточками. Прохладный и сочный...

Я сглотнула. Сказала:

– Ешьте медленно, я скоро буду! – и при первой же возможности сменила курс.

Получилось удачно: в этом направлении непробиваемых пробок не было, и я доехала к Натке минут за двадцать. По пути продолжая мечтать о прекрасном арбузе...

А действительность даже превзошла мои ожидания.

Таганцев с Наткой суперарбуз благополучно располовинили, с меньшей части срезали корку, нарубили мякоть аккуратными кусочками и, уже откровенно эстетствуя, пересыпали формованным льдом из морозилки. Сложили в блестящем медном тазике для варки варенья пологий холм из красных и прозрачных кубиков, вонзили в его вершину три мельхиоровые вилки...

– Какая красота! – искренне похвалила я.

Сказочному виду не хватало разве что разноцветных стягов на башнях-вилках.

– Налетай! – скомандовала Натка, и мы налетели.

Потом Таганцев положил свою вилку, отодвинулся от стола, вопросительно посмотрел на Натку и, не дождавшись дальнейших распоряжений и предложений, нарочито бодро сказал:

– Пойду, пожалуй... Елена Владимировна, вам с доставкой арбузика пособить?

– Спасибо, Костя, с половинкой мы и сами справимся, – ласково улыбнулась бессердечная Натка.

Тихо вздыхая, Таганцев откланялся. Дождавшись, пока сестрица закроет за ним дверь, я спросила:

– Не стыдно тебе морочить голову хорошему мужику?

– Он от этого хуже не станет, – отмахнулась жестокая кокетка. – Кстати, про мужиков. Хочу с тобой посоветоваться!

– Что? Ты беременна?! – испугалась я.

Просто это был один из тех немногих случаев, когда Натка со мной советовалась. Тогда сестрица не могла самостоятельно решить, оставлять ли ей ребенка, и я до сих пор благодарила Бога за то, что она спросила моего совета и прислушалась к нему. Это тоже была большая редкость. Обычно Натка мои полезные советы игнорирует.

– С чего бы это? – искренне удивилась сестрица. – Я уже четвертый месяц ни с кем не встречаюсь! Хотя ты почти угадала, вопрос касается Сеньки...

– Что с ним?! – снова испугалась я.

– Какая-то ты сегодня нервная, – отметила сестрица.

В голосе ее затейливо смешались сочувствие и превосходство.

Ага, она-то у нас не нервничает по пустякам. Запросто может оказаться подругой бандита или жертвой мошенника – и все равно не станет сильно переживать. Характер, понимаете ли, легкий... Легонький такой...

– Да говори уже! – рассердилась я.

– Начну сначала, – Натка чинно опустилась на стул, расправила на коленях подол прелестного легкого платица. – На днях я видела Романовского...

– Да, я тоже его видела, – сказала я и кивнула на телевизор на стене над столом.

Натка машинально включила его, экран просветлел и задорный женский голос напел нам:

– «Шпора»! «Шпора»! Средство от запора!

На экране крупно нарисовалась аптечная коробочка с озвученным названием препарата и изображением скачущего коня. Седло на нем имелось, а всадника не было, так что телезрителю оставалось только догадываться, соскочил ли наездник на полном ходу, чтобы на своих двоих бежать к удобствам, или же это конь воспользовался рекламируемым средством и теперь самозабвенно мчит в поля, чтобы внепланово их удобрить.

Натка поморщилась и уменьшила звук:

– Задолбали со своей дебильной рекламой! Хоть не включай этот ящик!

– Зато ты увидела там Романовского, – поддела ее я.

– Лучше бы не видела. – Натка нахмурилась и побарабанила пальцами по столу.

Я поняла ее чувства без объяснений.

Романовский – один из Наткиных бывших. Когда они встречались, он был всего лишь менеджером какой-то госкорпорации, но потом переметнулся в бизнес и здорово там преуспел. Как раз вчера Максима Романовского показывали в новостях – он торжественно подписывал крупное инвестиционное соглашение на международном экономическом форуме. В руке у него был блестящий золотой «Паркер», запонки, особенно заметные на крупном плане, слепили глаз бриллиантами. Хорошенькая тележурналистка, ведущая прямой репортаж с места событий, с придыханием называла Романовского олигархом и непроизвольно облизывалась.

– Я вот подумала – а что, если на самом деле отец Сеньки не мой законный быший, а тот же Романовский, например? – Натка пытливо посмотрела на меня.

– Как это – например? – не поняла я. – Есть такая вероятность?

– Вероятности, – поправила сестрица. – Я ведь тогда не только с Максом встречалась.

– Та-ак... А с кем еще? Огласите, пожалуйста, весь список!

– Вот.

Список, оказывается, уже был составлен.

Натка протянула мне бумажку.

Я оценила количество строчек и ровный бисерный почерк – сестрица во всех смыслах старалась! – и уважительно присвистнула:

– Ну ты даешь, мать... Ты что, крутила с ними со всеми одновременно?

– Ну, так уж вышло, – Натка легкомысленно пожала плечиками, словно речь шла о капризах погоды, мол, что поделаешь, так уж вышло, дождик пошел.

– Номер один – Максим Романовский, – прочитала я с листа. – Этого я знаю, наш российский олигарх-газовик... Номер два – Антон Голиков, а это кто?

– Новый мэр одного областного центра на юге.

– Номер три – Тимофей Гусев... Гусев, Гусев... Что-то я вроде слышала...

– Знаменитый интернет-дизайнер, – подсказала сестра. – Ты и слышала, и видела, у половины дорогих российских сайтов в уголке написано: «Дизайн Тимофея Гусева».

Я оценила нотки гордости в ее голосе и съязвила:

- Крутые мужики, да? Жаль, что чужие.

- Может, и не чужие, - пробурчала сестрица. - Ты дальше читай.

- Номер четыре - Андрей Ростовцев. И кто он?

- Бухгалтер, милый мой бухгалтер! - злобно вато напела Натка. - Был. Сейчас владелец собственного банка.

- Номер пять - Василий Предоляк. - Я вспомнила, что этого своего экс-кавалера Натка уже упоминала. - Ага, а с Василием-то промашечка вышла, ты говорила, он до сих пор ездит на метро.

- Ездит, - угрюмо согласилась сестрица. - Но не потому, что у него нет денег. Я, пока ехала с дачи, посмотрела в Интернете - Предоляк-то у нас, оказывается, знатный ботан.

- В смысле садовод?

- Какая же ты, Лена, темная! - Сестрица закатила глаза. - Живешь в одном доме с популярным блогером и не знаешь модного сленга! Ботан - это такой умный, но странный тип, как бы не от мира сего. Не приспособленный к жизни гений, вот.

- И это твой Предоляк? - удивилась я.

Не знала, что у Натки были гении. Это вообще не ее тип.

- Представь себе! - Сестрица досадливо хлопнула себя по крепдешинным коленкам. - Оказывается, он уже целый доктор наук, автор кучи изобретений, обладатель множества патентов и премий, в общем, не голь перекатная, как можно было подумать, увидев его в метро в шортах, майке и резиновых тапках на босу ногу!

- Так жара ведь, - несколько невпопад заметила я.

– Это точно. – Разгорячившаяся Натка обмахнулась ладошкой. – Нет, ты видишь, какая у меня была чуйка на перспективных кавалеров? Все пятеро в большие люди вышли!

– Чуйка была, – согласилась я, – но не стратегическая. Не дотянула ты, мать, генеральную линию до ЗАГСа...

– Подумаешь, ЗАГС! – Натка фыркнула. – Печать в паспорте – это тьфу, ерунда, я сделала кое-что поважнее: родила сына! Улавливаешь мою мысль, май систер?

– Конечно. – Уловить было нетрудно. – Ты думаешь, как жаль, что Сенька не сын одного из этих мужиков.

– А если все-таки?

– Натка! Какие могут быть «если» в таком серьезном вопросе? Все твои бывшие – солидные дяденьки, думаешь, хоть кто-то из них поверит в индийскую сказку о потерянном и найденном папе?

– А если я докажу?

– Как?!

– Это вопрос, – согласилась сестрица и задумалась.

Чтобы не сидеть в тоскливой тишине, я прибавила громкости телевизору, а там как раз закончилась рекламная пауза, и ведущий популярного ток-шоу Антон Халатов чуть не оглушил нас радостным криком:

– ...Стофоров!

– Сто чего? – вздрогнув, переспросила Натка, серьезно настроившаяся на круглые цифры.

– Ничего. – Я поморщилась, читая титры. – Это фамилия такая – Христофоров, ведущий представил гостя в студии. Надо же, и тут он отметился! Всё успел!

– Что за Христофоров, ты его знаешь? Симпатичный парнишка, кого-то мне напоминает, – Натка присмотрелась к экрану.

– Может, Роберта Гуреева? – предположила я. – Этот симпатичный парнишка утверждает, что он родной сын Гуреева, и претендует на его наследство.

– Да-а-а?! – Сестрица живо заинтересовалась шоу.

Она добавила телевизору звука, уселась поудобнее и только потом догадалась спросить:

– Не возражаешь, мы немного посмотрим?

Я, против обыкновения, не возражала. Просмотр ток-шоу – не самый дискомфортный способ войти в курс дела.

Хотя доверять телепередаче, конечно, не стоило.

Знаем мы эту медийную публику, они ради рейтингов на что угодно пойдут. Хуже великого комбинатора Остапа Бендера, право слово, тот хотя бы старался чтить Уголовный кодекс...

К числу телезрителей ток-шоу мы с Наткой присоединились не с самого начала программы, но пропустили не так много и быстро наверстали упущенное, потому что сразу после рекламной паузы ведущий любезно протараторил краткое содержание предыдущей серии, тьфу, первой части шоу.

– Итак, у нас в гостях Андрей Христофоров, Вадим Петренко и Анна Горлова. Все они считают себя детьми Роберта Гуреева, который, как известно, никогда не состоял в законном браке, но в разное время имел множество близких друзей и подруг, – тут Халатов тонко усмехнулся, и даже Натка покривилась:

– Фу, какой пошляк! «Имел друзей и подруг»! Есть же красивое и культурное слово – «бисексуал»!

– Ни один из наших уважаемых гостей не носит фамилию и отчество Роберта Гуреева, в первом и главном документе каждого ребенка – свидетельстве о

рождении – у каждого из них указан совсем другой отец. Так как же они докажут свое родство с Гуреевым? – вслух задумался Халатов.

– Да, как?! – Натка подалась к экрану.

– Как, как – я назначу экспертизу, – пробормотала я, но не была услышана.

Антон Халатов как раз с энтузиазмом провозгласил:

– Давайте посмотрим! – и на большом экране в студии появилось черно-белое фото Роберта Гуреева.

Это был очень известный снимок, неоднократно украшавший афиши. Гуреев – в сценическом костюме, в гриме, с гордо поднятой головой – смотрел поверх объектива, как будто полагал достойными общения на равных исключительно высшие силы, и в выразительных его чертах было столько силы и гордости, что невозможно было усомниться в неизмеримом превосходстве этого человека над обычными людьми.

Подержав крупный план фото несколько секунд – так, что все зрители успели его рассмотреть и проникнуться, режиссер в студии переключил камеры и показал одного из главных гостей программы. В трио на диване он занимал место с правого края – мужчина средних лет, невысокий, темноволосый, плечистый, с крупными чертами лица.

Заметив направленный на него объектив, этот брюнет спешно расправил плечи, вытянул шею, задрал подбородок и постарался предстать в том же ракурсе, что и Гуреев на фото.

Наверное, он заранее знал, какой снимок будут демонстрировать, и именно поэтому надел серебристый обтягивающий джемпер с низким вырезом, украшенным декоративной строчкой. Фасоном и расцветкой джемпер подозрительно смахивал на женский и толстоватого брюнета несколько не украшал, зато перекликался по стилю со сценическим костюмом Гуреева на фото. Брюнет явно хотел походить на предполагаемого папу. Хорошо еще, тугое трико для сокрушительной полноты сходства не натянул.

– Вадим Петренко – наш гость родом из Сочи! – торжественно возвестил Халатов. – Тридцать девять лет назад блистательный Роберт Гуреев посетил этот южный город с гастрольным туром, и маме Вадима, тогда еще юной и свободной студентке педучилища, посчастливилось побывать на его выступлении.

– И этим ее счастье явно не ограничилось, в его постели она тоже побывала, – опережая ведущего с его рассказом, догадалась проницательная Натка.

Халатов в несколько иных выражениях эту ее версию подтвердил, вновь пригласил всех смотреть на экран, и там появился новый снимок. Явно старый, черно-белый с отчетливой желтизной, в зубчатой белой рамочке и с надписью летящим курсивом по нижнему краю: «Сочи. Гостиница «Приморская».

Собственно гостиницу на фото было не разглядеть, поскольку снимок был сделан внутри ее, точнее, на балконе, сквозь фигурные балясины которого проглядывало близкое море. На фотографии молодой Роберт Гуреев, белозубый, взлохмаченный, с сухощавым и рельефным голым торсом, обнимал смущенно улыбающуюся девицу, небрежно завернутую в белую простынку.

– На этом снимке из семейного архива Петренко Софье двадцать лет. Через девять месяцев у нее родится сын, которого она назовет Вадимом, – с ноткой грусти сообщил ведущий.

Камера неторопливо проехала по рядам, показывая опечаленные лица чувствительных тетушек и бабушек в рядах присутствующих в студии зрителей.

– Подумаешь, фото! Может, это монтаж! – громко выкрикнули из публики мужским голосом, и камера хищно метнулась на звук, чтобы выцепить говорящего, а потом стремительно наехала на ведущего, отслеживая его реакцию.

Халатов глубокомысленно покивал:

– Вполне понятные сомнения.

– Никакой это не монтаж! – восторженно воскликнул Вадим Петренко.

– Монтаж!

– Подделка! – радостно загудели в зале.

Антон Халатов с довольной улыбкой наблюдал за закипающим скандалом.

– Да мой внучек такую фотку на своем компьютере за десять минут слепит! – не упустила возможности прорекламирровать на всю страну родного человечка какая-то любящая бабушка в первом ряду.

– Я вам больше скажу: лично я такое фото слеплю за пять минут, – доверительно поведал зрителям Халатов и сделал паузу, пережидая одобрительный смех.

Близко глянул в объектив, построжал:

– Именно поэтому мы пригласили в студию специалиста, который даст свое экспертное заключение по спорной фотографии! Василий Перович Кузьев, главный редактор фотобанка «Визуал», встречаем!

– Это разве эксперт? – удивилась Натка.

– Вот и я сомневаюсь, – согласилась я. – По-моему, это скрытая реклама упомянутого фотобанка.

Но сговорчивая публика в студии послушно встретила фотобанкира Кузьева аплодисментами. Тот важно раскланялся, присел на невесть откуда взявшийся персональный стульчик и выжидательно уставился на ведущего.

– Василий Петрович, вы изучили этот снимок. Что вы можете о нем сказать? – не задержался с репликой тот.

– Я изучил его, и вот что я могу о нем сказать, – с готовностью отозвался Кузьев. – Данный черно-белый снимок с достаточно высокой детализацией сделан дальномерным фотоаппаратом типа «Зоркий» или «ФЭД» и напечатан в фотостудии «Любимый Сочи», о чем свидетельствует оригинальный чернильный штамп на обороте...

- То есть это не монтаж? – нетерпеливо перебил эксперта ведущий.

- Нет, не монтаж, это настоящая...

- Прекрасно! – Халатов снова обернулся к залу. – Фотография – не подделка! Но есть еще вопрос...

Он сделал интригующую паузу, призывно пошевелил бровями, и со зрительских мест кто-то особо смысленный или заранее подготовленный с готовностью подсказал:

- А откуда нам знать, когда именно было сделано это фото?

- Да, откуда? – подхватил Халатов. – Может, снимок сделан вовсе не за девять месяцев до рождения Вадима Петренко? Мы же понимаем, что дата съемки в данном случае принципиальна. И кто нам сможет ответить на этот вопрос?

- На этот вопрос вам смогу ответить я, – вновь подал голос эксперт Кузьяев.

Его манера говорить как по писаному наводила на мысль о предварительной репетиции.

- Дело в том, что в нашем фотобанке «Визуал» хранятся архивные снимки, сделанные сочинским фотографом Сергеем Макаровым. Это то, что сейчас назвали бы фотосессией, а точнее подробный репортаж о пребывании Роберта Гуреева на южном курорте. Фотохроникер зафиксировал чуть ли не каждый его шаг в Сочи – с момента прибытия в город и до отлета из него.

- И это фото тоже есть в вашем архиве? – спросил ведущий, указывая на снимок обнимающейся на балконе пары.

- Именно этого снимка нет, но есть другие, явно из той же серии...

- И-и-и-и вновь внимание на экран! – опять перебил эксперта утомительно эмоциональный Халатов.

Снимок с парой на экране подвинулся, и рядом с ним встало другое фото. Вместе они походили на детскую загадку «Найди десять отличий», и зрительный зал сосредоточенно запыхтел.

По мне, так отличие было всего одно, зато очень важное: на новой фотографии отсутствовала девушка в простыне. А взъерошенный улыбчивый Гуреев в мешковатых штанах, балкон с точеными балясинами и море в фигурных просветах были все те же, разве что танцор развернулся к камере другим боком.

– Что ж, это определенно подтверждает, что в дни гастролей в Сочи Роберт Гуреев действительно принимал в своем номере гостиницы «Приморская» Софью Петренко, которая девять месяцев спустя родила сына Вадима, присутствующего сегодня у нас в студии! – на подъеме протарахтел ведущий.

Присутствующий в студии сын Софьи Вадим приподнялся над диваном, улыбаясь и раскланиваясь.

– А может, они и не спали там вовсе! – снова выкрикнул кто-то из зрительских рядов.

– Кто знает, кто знает! – Халатов хитро улыбнулся и коварно объявил рекламную паузу.

На экране пошла реклама фотобанка «Визуал».

– А ты как думаешь, спали они или не спали? Гуреев с этой Соней? – спросила меня Натка.

– Какая, собственно, разница? – пожала плечами я. – Вот ты спала и с Романовским, и с Голиковым, и еще как минимум с тремя мужиками. И что, у тебя от них пятеро детей?

– Точно, переспать – не значит забеременеть, слава богу, – запоздало сообразила сестрица и даже потянулась перекреститься, но передумала и только стерла пот со лба. – Иначе какие пять? Сто пятьдесят пять детей у меня было бы, вот ужас, страшно представить...

Она взволнованно забубнила, что-то такое подсчитывая, а я воспользовалась паузой, чтобы сходить в туалет. Мне не хотелось пропустить следующую часть ток-шоу, я неожиданно для себя увлеклась просмотром. Глупо, конечно, но не упускать же подвернувшуюся возможность заранее составить впечатление об участниках предстоящего судебного процесса!

– И я вновь приветствую вас в студии ток-шоу «Посидим, поговорим!» – словно лично мне сказал Халатов, когда я вернулась из забега к удобствам. – И предлагаю послушать Анну Горлову, которая считает себя дочерью великого Роберта Гуреева. Анна, почему вы так думаете?

Камера наехала на молодую даму, расположившуюся на лобном диване в окружении двух потенциальных братьев.

– Во-первых, здравствуйте. – Дама улыбнулась в камеру и легким движением поправила безупречно завитой локон – антрацитово-черный, как у предполагаемого папы.

– Здравствуйте, Анна, так почему вы...

– Во-вторых, я попросила бы меня не перебивать, – сказала дама, и бесцеремонный Халатов от изумления всхрюкнул и замолчал, а я едва не хлопала в ладоши: мне очень понравилось, как держится эта женщина, – настоящая Железная леди.

При взгляде на Анну Горлову в голову приходили слова «порода», «харизма», «стиль» и «воспитание». И еще «деньги», конечно.

С деньгами у дамы явно не было проблем, одно ее элегантное шелковое платье благородного серо-стального цвета стоило больше, чем костюмы четырех присутствующих на сцене мужчин. А были еще роскошные туфли, красные подошвы которых недвусмысленно намекали на впечатляющий ценник, жемчуга в ушах и одинокое колечко с бриллиантом такого размера, что отбрасываемые им солнечные зайчики запросто могли бы затоптать не крупного слона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/astahov_tat-yana/dnk-geniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)